

Саламат Сарсеменов

Неотправленное письмо

Саламат Сарсекенов
Неотправленное письмо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27809117

ISBN 9785449003737

Аннотация

Книга рассказывает о жертвенности, которая разрушает и Созидает. О природе страдания и истинной сути Любви к себе, к другому, к Жизни.

Неотправленное письмо

Саламат Сарсеменов

© Саламат Сарсеменов, 2017

ISBN 978-5-4490-0373-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Весна

«Начало марта. Граница между зимой и весной. Время, когда все вокруг просыпается, рождается вновь, обретает цвет и запах.

Я сидел на свежеекрашенной скамейке в городском парке. Мимо проходили люди, и на их лицах весна невидимой рукой расписалась улыбками и подрумянила щеки.

Недалеко, на детской площадке, суетились малыши, как разноцветные комочки, заботливо укутанные в куртки и шарфы, которые, как смиренные рубашки, сдерживали в своих объятиях неподатливый и непримиримый детский нрав. Рядом, расположившись на скамейках или попросту бродя вокруг своих чад, маячили фигуры родителей.

Метрах в пятнадцати от меня, на синей скамейке, сидела молодая красивая женщина.

Между нами находился безликий и необструганный куст карагача, который ветвями расплосовал ее очертания и искажал ее милый образ. Я смотрел на нее и мысленно дорисовывал то, что легко мог себе представить. В тонких и изящных руках девушка держала какую-то книгу. Она читала, и ее красивые и внимательные глаза раз за разом провозжали к полям страницы строчку за строчкой. Временами она поднимала взгляд на своего ребенка, и милая, еле уловимая улыбка, выражавшая покой и радость, словно солнечный зайчик, застывал на ее лице.

Видимо, заметив внимание своей мамы, из разноцветной ватаги малышей выбежала девочка трех лет, в желтой курточке и с белым бантом, торчащим между красным шерстяным шарфом и вязаной шапочкой. Ребенок подбежал к своей маме. Зеленое пластмассовое ведро и совок, большие похожий на столовую ложку, разлетелись в сторону. Обняв за колени женщину, девочка уткнулась головой в книгу, как будто давая понять, кто здесь важнее для мамы...

...Что-то неведомое и острое ткнулось и заерзло у меня внутри. В голове пронеслись обрывки воспоминаний, словно легкий ветерок приподнял в небо облетевшие прошлогодние листья и уложил их обратно на асфальт.

Через минуту девочка отбежала от мамы. На ветвистом старом дереве два воробья отчаянно боролись за корку

хлеба, безжалостно молотя друг друга крыльями, ругаясь и перескакивая с ветки на ветку. Девочка, наблюдая за поединком, запрокинула голову вверх и подошла ко мне ближе...

Голубые глаза, золотистый цвет волос, плавные, как вечерняя волна, очертания лица, этот восхищенный взгляд...

Природа, словно скопировав образ из далекого прошлого, вновь воплотила его в маленьком ангеле. Великая магия жизни – повторять совершенство, как повторять раз за разом акварель весны, раздевающее тепло июля, холодную нежность падающего снега.

Как давно это было, и как легко я все это помню! Видимо, не зря, так часто блуждая по лабиринтам своей памяти, словно в большом цветном сне, раз за разом я тревожил свое прошлое, и всплывали обрывки воспоминаний, в которых каждый раз ты была главной героиней.

Все началось, как и сейчас, с марта месяца, восемь лет назад. За плечами осталась школа, армия в кирзовых сапогах прошагала по плацу строевым маршем и разместилась в дембельском альбоме в шкафу среди моих детских фотографий. Веселое время открытий и знакомств, когда легко дышать полной грудью и планы на будущее рисуются мизинцем на облаках.

Я помню, как с друзьями детства на Восьмое марта мы пробрались в нашу старую школу на дискотеку. Не знаю,

что нас туда понесло. Бывалые и вроде взрослые, мы уже давно заходили в ночные клубы, имея в карманах дисконты и банковские карточки для зарплаты. Может, приглашение знакомых старшеклассников или ностальгия по школьным коридорам и тройкам в четверти? А может, это было что-то невидимое и седое, как мир, что бесшумно и незаметно всякий раз поворачивает нас за плечи на перекрестках сотен дорог, играя в свою немислимую рулетку, и отправляет вперед без компаса и инструкций?

Танцы под музыку модных «А-Студио» и нестареющего Элтона, коктейль из запахов десятка духов и лака для причесок, подслащенный ароматом бисквитного торта, витал в полумраке нашего обшарпанного и давно не отремонтированного спортзала. Салажата, которым еще вчера на переменках я бил щелбаны, сегодня в немислимом фейерверке причесок и одежды волочились за своими подругами и пытались обратить на себя внимание нелепыми и грубыми свистами, не понимая, что тем самым лишь по-прежнему, как и в первом классе, дергают их за косы.

Свет от недорогих светомузыкальных маячков скакал по танцплощадке в ритм музыки, освещая то здесь, то там весело прыгающих старшеклассников. Иногда лучи натыкались на наших учителей, и становилось стыдно и паршиво за вычеркнутые из блокнотов номера их домашних телефонов и позабытые поздравления с прошедшими праздниками.

Некоторые школьники, притаившись в углах возле швед-

ских стенок, разливали водку и, закусив праздничными тортами, с гиканьем кидались обратно в буйство танца. Нас узнавали и приглашали то одна, то другая группа ребят, и все кружилось в одном неистовом хороводе, замешанном на визге ошалелых подростков, танцах и веселом настроении.

Иногда объявляли медленные танцы, и тогда буйный хоровод рассыпался, как ртутные шарики, по стенкам и углам спортзала. На середине оставалось лишь несколько танцующих пар, дамы в которых или не успели убежать, или уже не хотели...

Мы присели с ребятами на сложенные вдвое борцовские маты. Откуда-то появилась очередная бутылка «Столичной» водки, и захрустели в руках одноразовые стаканчики. Рядом, видимо, на серьезный интерес, засучив рубахи, начали тягаться на руках два розовых крепыша. Кто-то из «стойких» уже спал на спортивном козле, а по баскетбольной корзине застучали содранные с кого-то ботинки. Светомузыка уже не барабанила цветами, а мелодично плавала по кругу, фотографируя в длительной вспышке то одну, то другую пару. Мы смотрели по сторонам, оценивая блуждая глазами по фигурам девчонок, которых выхватывал из мрака мерцающий свет. Временами где-то раздавался хохот и слышалась неразборчивая речь подвыпившей молодежи.

Нет, это произошло не сразу, не вдруг и без потрясений. Это не было похоже на сверкнувшую в коридоре молнию или на затмение солнца за брюками в моем гардеробе. Секунды так же маршировали по кругу в своем бессмертном ритме, вкус водки был по-прежнему нелепо-горьким, и ничто во мне не екнуло и не заметалось от неожиданности, когда я впервые тебя увидел.

Ты танцевала прямо передо мной, обняв своего партнера, и вы, в одном и том же клонированном па переставляя ноги, вертелись на месте, о чем-то оживленно разговаривая и улыбаясь друг другу.

Ты кружилась в голубом, прошитом розовым бисером, платье, которое шурило сквозь пелену музыки и поднималось до колен, обнажая стройные красивые ноги на тонких и изящных каблучках, но мир еще не уплывал подо мной. Ты смеялась и разговаривала, как маленькая фея, покинувшая свою сказку, но я еще не видел различия в сотнях таких же улыбок и голосов, плавающих в этом старинном зале. Ты прижималась к нему, и твои изящные руки скользили по его плечам, но ревность моя жила еще на какой-то далекой и ледяной планете. Ты была свежа и загадочна, как июньский туман у края нашего притихшего и ошеломленного моря, но я еще не любил тебя.

Я нелепо сидел у твоих ног, запрокинув вверх голову, со стаканом водки в руках и просто смотрел на тебя, впитывая твое существование. Я пытался запомнить твои

очертания, потому что прекрасно понимал: сейчас растворится медленная музыка, и серая бесформенная ртуть, отлипнув от стен, поглотит тебя и твое голубое платье.

Тогда все на этом и закончилось. Поздно и стыдно было спрашивать у пацанов, кто ты, откуда, как тебя зовут. Мой полупьяный взгляд блуждал по лицам и макушкам, но ты исчезла, и казалось, что навсегда. Пару раз я, как пароход, вклинивался в танцующую толпу, рассекая ее от берега к берегу, в надежде столкнуться с тобой, а столкнулся с какими-то малолетними мордворотами, которые наступали мне по носу и надавали по бортам, пустив на дно танцплощадки.

В таком виде ты впервые увидела меня и запомнила.

Прошел месяц. Синяки давно оттаяли под глазами, но я еще помнил этот полупьяный бред. В воздушном танце голубое платье скользнуло по моему лицу, и твое видение навсегда нашло место в моей памяти.

Я искал встречи с тобой. Сотни дел нашлись у меня в пределах школы – от игры в футбол на школьном дворе до стыдливых и давно запоздалых встреч со своими старыми учителями. Но мы не встретились тогда. И жизнь текла в прежнем ритме. Работа, институт, друзья, посиделки в «Шамроке» с кружечкой «Амстела» и свежесоленой рыбой за просмотром Лиги чемпионов.

Какие-то девчонки с романтической поволокой в глазах

то и дело заходили и растворялись в моей жизни, оставляя после себя лишь осадок сладкого и невыдержанного вина. Ничто не прилипало к сердцу, никто из них не казался родной и близкой. Может, оттого все вокруг было беззаботным и легким, как ветер.

И, как ветер, легко и безмятежно, в то время я мог думать о случайной встрече с тобой и так же легко и мгновенно переключать свои мысли о тебе на барахлящий двигатель своего старенького «Форда».

Веселый художник апрель не жалел зеленых красок, размахивая своей кистью над нашим городским парком, над деревьями, травой, и даже в лужах от прошедшего дождя отражался его зеленый след. Помню, я брел тогда по аллее, дыша полной грудью и наслаждаясь запахом проснувшейся сирени и расцветающих сквозь серые пальцы ветвей зеленых листьев акации. Ты сидела тогда на этой же самой скамейке, окрашенной в синий цвет, и читала книгу «Мастер и Маргарита». Сначала я даже и не понял, что это была ты, девчонка в голубом платье со школьной дискотеки.

Как бы медленно я ни брел по парку, но, поравнявшись с тобой, словно облитый сладким киселем, я скованный, растерянный и очарованный, неумолимо стал удаляться от тебя. Мне захотелось лунной походкой вернуться к твоей скамейке, но непослушные ноги уносили ватное тело все дальше вперед. Почти каждый человек в своей жизни хоть

когда-то ассоциировал себя или кого-нибудь с каким-нибудь животным. В этот момент я открыл в себе серую мышшь с короткими лапами и длинным хвостом, которая бегала по краю большого куска ароматного сыра и боялась упасть с высоты.

Наверное, мои ноги так и унесли бы меня к границам до первого таможенного поста, но кое-кто – все тот же невидимый, седой и трезвый, как мир – развернул меня и, выстрелив со своей рулетки, отправил в твоём направлении.

Без спроса я присел на край скамейки и уже не украдкой посмотрел на тебя. Ты сидела, чуть наклонившись к книге, внимательно вглядываясь в глубину страниц. Открытое чистое лицо с нежными, как лепестки лаванды, чертами и губы, как будто созданные для чтения молитвы и колыбельных песен. Внимательно читая книгу, ты не заметила моего появления. Человек, который читает, сам по себе уже красив. Но ты с задумчивым выражением лица, на котором отражаются переживания Маргариты Николаевны, и с полетом нахмуренных бровей, в которых чувствуется жалость к несчастному городу Ершалаиму, была похожа на таинственную свечу, ласкающую книгу, словно древнюю икону.

Сказать, что ты прекрасна, это все равно, что умирающему в пустыне от жажды человеку думать о воде только как о химическом элементе.

Я с восхищением смотрел на правильные черты твоего лица, и настолько понимал, как все совершенно и велико-

лепно в этом полудетском облике, что сознание того, что этот образ не для меня, как дождевой червь стало проникать в меня, отравляя запахи и цвета. Я, очарованный и потерянный, сидел в центре цветущего парка и пытался через скованные легкие уловить аромат твоего тела.

Неожиданно ты обернулась, и наши взгляды впервые пересеклись. Как будто сошлись меридианы. В горле застрял кусок холодного воздуха, а сердце стало отбивать африканские мотивы. Медленно я тонул в твоих глазах цвета чистого неба, и не за что было зацепиться, чтобы не захлебнуться от волнения.

Милая, родная моя, с того самого момента мир для меня располовинился на «до» и «после». И если бы я знал тогда, куда занесет меня это «после», с чем придется столкнуться, что придется вынести и стерпеть, я бы все равно с таким же восторгом и восхищением смотрел на тебя и никуда бы не ушел ни от тебя, ни от своей судьбы...

Словно в соседнем сне, люди продолжали проходить мимо нас, уносимые своими заботами, а я, околдованный, просто смотрел на тебя до тех пор, пока ты впервые не улыбнулась мне и не заговорила со мной.

Родная моя, все для меня с той поры было впервые. Твой бархатный голос, звучавший для меня, ласкающий и нежный взгляд, которым ты щедро одаривала меня, твоя улыбка, как легкое перо, подаренное мне ангелом...

Ты мне что-то сказала. Я тебе что-то промурлыкал

в ответ. И началась история, в которой реальность и сон, сказка и драма потеряли между собой границы и сплелись красивым и ледяным узором на прозрачном и хрупком стекле жизни.

Мы начали встречаться. Сначала я боялся надоест тебе и звонил через два, а то и три дня. Чего мне стоило молчать, не слышать и не видеть тебя в те дни! Я хоронил эти часы без тебя, укладывая их штабелями возле окон твоего дома. словно красивую и хрупкую бабочку, случайно залетевшую в мою жизнь, я боялся напугать тебя. Я боялся дотронуться до тебя, не желая обидеть, я боялся своих шуток, потому что старался подражать твоим ровесникам, и боялся быть не в меру молчаливым и скучным. Я безумно хотел тебе понравиться. И в этом безумии, стараюсь угадать, чем ты интересуешься, что нравится тебе, я заглядывал в глубину твоих весенних глаз, вдыхал аромат хрустальных волос, изучал отпечатки твоих ног на земле и читал линии на твоих мягких ладонях. Но с каждой новой минутой в движениях твоих рук, в грациозном повороте головы, в твоих речах, как в легком дуновении южного ветра, я ощущал живую искренность, которая бывает только в природе, не затронутой человеческой усталостью, где на каштанах никогда не зацветет сирень и аромат фиалки никогда не слетит со спелых яблонь.

Я, словно шмель, рвущийся к цветку, жаждал увидеть тебя и окунуться в твою улыбку, погреться под твоим лу-

чистым взглядом. Словно магнит, я притягивался к тебе, и чем лучше я тебя узнавал, тем крепче мое сознание прижималось к тебе.

Мир открывался для меня по-новому. Небо казалось тесным для моих плеч, когда при наших встречах я улавливал в тебе нотки радости и волнения, когда я чувствовал в тебе скрытый интерес к тому, что я собой представляю, чем занимаюсь, что люблю. И, уже не скрывая удовольствия, ты ходила со мной на футбол, и сборники рок-н-рола на старых кассетах в моей машине, которые ты не спешила переключать, вскоре стали твоими любимыми песнями.

Дни стали лететь за днями, словно отплясывали хоро-воды народных танцев, – ярко, красочно, в веселом ритме.

Мы ходили в кино, ездили с шашлыками за город на базу отдыха, танцевали на городских дискотеках. Нас видели вместе, нас встречали, о нас говорили и пускали корявые сплетни. Это нас объединяло, и уже это было приятно. Я познакомил тебя со своими друзьями, ты меня со своими подругами. Ты уже знала, что я люблю к пиву жареные креветки, я знал, что ты любишь к зеленому чаю вишневое варенье. Пальцы наших рук все чаще стали сплетаться, как и все вокруг, нежно обвивая и лаская друг друга, и уже ничто не имело смысла без твоего участия, без твоего тепло-го дыхания над моим плечом.

Я уже не боялся спугнуть свою бабочку и не старался в попытках понравиться тебе быть кем-то. Не нужно бы-

ло пропадать на несколько дней, играя равнодушное безучастие к твоей жизни, и прятать свои чувства под каменным молчанием. Теперь все это казалось лишним, как после восклицательного знака лишней кажется любая запятая.

Все чаще я стал вглядываться в ночное небо, где среди черных точек бездонного космоса молоком расплескались бриллиантовые созвездия, на которые древние предки накинули когда-то шелковые покрывала, сотканные из легенд и мифов. Где-то там, возле ручки ковша Большой медведицы, приютилась наша звездочка, которую мы с тобой приметили той самой незабываемой ночью, которая дала согласие...

Лето

Весна нежной поступью прошла по земле, лаская и убаюкивая нас своей прохладой, и незаметно растворилась в солнечном июне. Ты окончила школу и начала готовиться к выпускным экзаменам и школьному балу.

На теплом морском берегу лежали раскиданные книги и тетради. Ты сидела на широком покрывале, развернутом на теплом песке, и изучала какие-то школьные конспекты. Глаза твои, такие же внимательные, как и всегда при чтении, были умны и сосредоточены. Яркие блики от отражения солнца на набегаящих волнах бирюзового моря играли отсветами на твоем лице. Я, словно загнипотизированный,

любовался ими и не мог оторвать от тебя взгляд.

Рука, на которую я облокотился, от продолжительного наблюдения онемела, и, слегка размяв ее, я приподнялся с земли. Ты не обратила никакого внимания на мои движения и по-прежнему старательно изучала страницы. Тогда, играя ревностью, как плюшевой игрушкой, я неуклюже просунул свою голову между твоим взглядом и конспектами и прижал тетрадку к твоим коленям, провозглашая свое превосходство...

Шариковая ручка как символ капитуляции по самую серединку воткнулась во влажный песок. Мы легли рядом друг с другом, и уже так тяжело было отвечать на вопросы в учебниках, когда жизнь вокруг кипела и забрасывала нас со всех сторон своими уравнениями и формулами!..

Я помню этот день. Как я посмел бы его забыть, родная! Твоя нежная и красивая фигура с пьянящими очертаниями на тихом и молчаливом берегу, волосы волнистым изгибом водопадом стекали на землю, а руки, ладонями развернутые к солнцу, словно цветки подсолнуха, ловили солнечный свет и тепло. Я лежал рядом и с восхищением смотрел на тебя. Тогда мы говорили о многом и ни о чем конкретно. Слова потеряли значение и не имели смысла, когда наши взгляды и дыхания на расстоянии ладони обволакивали и дурманили разум. Лишь по отблескам в глазах мы угадывали смысл речей. Я говорил тебе, что жизнь прекрасна, что земля теплая и люди на ней добрые. А твои глаза отвечали, что ты

рада меня видеть. Я говорил, что мир для меня стал тесен и так хочется летать! А твоя улыбка говорила мне: «Не покидай меня!» Я говорил тебе, что ради тебя я допрыгну до солнца. А ты мне впервые сказала, что любишь.

Я склонился над тобой, впитывая всем своим сознанием услышанное, и взглядом гладил твои губы за эти слова. Глаза твои манили к себе, ласково и вопросительно блуждая по моему лицу. Губы слегка задрожали и словно отворились для меня, приглашая в дивную сказку под названием «Любовь», и мы слились в долгом и нежном поцелуе...

Где и как мне отыскать ту кнопку реверса, чтобы отмотать назад и повторять эти минуты вновь и вновь и чтобы вся моя жизнь состояла из этого мгновения. Как мне хотелось замедлить тогда эти торопливые минуты, которые поскакали за горизонт вместе с солнцем, до которого было так легко дотронуться! За что мне нужно было ухватиться, чтобы пригвоздить ускользающее время на том теплом зыбучем песке, на котором призрачное счастье подкатилось ко мне зеленой волной и ушло обратно, обдав своей чарующей прохладой?

Родная моя, как я мог забыть то, что ценимо и любимо мною и сейчас, спустя столько лет, когда между мной и тобой в этих пятнадцати метрах старого городского парка пролегли затерянные среди одиночества годы, боль безвозвратной потери и любимый мною чужой ребенок...

...Девочка с неподдельным восторгом смотрела на дерущихся воробьев. Она даже стала им что-то говорить, видимо, успокаивая неугомонных драчунов. Маленький укутанный котенок, которому все интересно и для которого каждую минуту раскрывается новый мир, полный удивления и открытий. Как она похожа на тебя! Как она прекрасна, и как волнительно было на нее смотреть!

Неожиданно из клюва одного пернатого сорвалась и упала на землю кроха хлеба. Птицы, нещадно колотя друг друга, вылетели из-под кроны дерева и, забыв о еде, погнались друг за другом, уже сами не понимая, с чего началась вся эта заваруха. Девочка подошла еще ближе, где в двух метрах от меня упал предмет драки пернатых. Блуждая любопытным взглядом по земле, ребенок неожиданно посмотрел на меня. На какое-то мгновение девочка оцепенела, разглядывая то, чем можно было пугать нелюбимых детей. Изумление и страх отразились на детском лице. Ее испуганные глаза наполнились брезгливостью и слезами, и, неуклюже развернувшись на месте, она побежала к своей маме.

Я не успел уйти в сторону, отвернуться, и мне нечем было прикрыться, как обычно я это делал, когда не хотел беспокоить и пугать тех, кто мне нравился и кого я любил.

Знакомая физическая боль хлестким порывом обрушилась на меня. Кровь под кожей, словно вулкан, горячим потоком ударила по зажившим шрамам и по обожженным

когда-то участкам кожи на левой стороне лица.

Медленно и мучительно я опустил голову и обхватил лицо руками, будто заслоняя мир от того, что я собой представлял. Жгучая боль перешла в ладони, и из крепко сомкнутых глаз, словно сок из коры березы, пронизанной армейским ножом, медленно засочились слезы.

Скамейка, на которой я сидел, пошатнулась, и мир опять начал проваливаться в сырую пустоту, унося с собой мое сознание, мою боль, мое одиночество...

На выпускном бале ты была в платье из розового шелка. Воздушный и красивый наряд, как и твоя прическа, на которую ты потратила три часа. Я подвез тебя на своем «Форде» до школьного двора. Ты звала меня с собой, но это был праздник твой и твоих одноклассников, заслуженный и выстраданный вами за годы бесконечных уроков, зубрежек и назиданий учителей. Я не хотел, чтобы кто-то незаслуженно врывается в него, и сам не хотел тебе мешать; и мы договорились, если я не просплю, встретиться в шесть утра на спуске к набережной, когда вы со всем классом будете встречать рассвет. Любимая, я все равно бы не уснул, если ты обещала ждать меня. Твой восхитительный образ сфотографировался в моей памяти, и я не хотел его смыть даже самыми сладкими сновидениями. Невинная, застенчивая, ты была необыкновенно грациозна в этом платье, с ожерельем из розового жемчуга на белой и красивой

ше. Я провожал тебя взглядом до школьного крыльца. Аккуратно придерживая длинное платье, легко и изящно ступая каблукчиками, ты взбежала по ступенькам крыльца и, помахав мне рукой, скрылась за дверью.

Утро не наступало еще очень долго, как будто солнце уперлось головой в сизый горизонт. Вокруг пролетали стайки нарядных выпускников из других школ, жизнерадостные и ошалелые от восторга надвигающихся перемен, с бутылками шампанского, фейерверками и цветами.

Я сидел на каменном валуне у берега и нетерпеливо ждал появления твоего класса. Еле уловимое чувство ревности от того, что ты с кем-то сейчас танцуешь медленный танец, буравило мою голову. Я, как мокрая собака, отряхивал эти мысли и погружался в видения, которые рисовал себе сам, предчувствуя очередное прикосновение к твоему нежному и юному телу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.